

Литературоведение

УДК 82-6

Н.А. Строганова

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению письма – одного из древнейших прозаических жанров во всей мировой литературе. В отличие от западного эпистолярного наследия, не обделённого вниманием исследователей, китайская эпистолярная литература и культура до сих пор остаются малоизученной областью синологии. В данной статье мы выясняем ту роль, которую эпистолография играла в жизни древних китайцев, прослеживаем зарождение и становление традиционной китайской эпистолографии, отмечаем различные виды материальных носителей эпистолярного текста, уточняем детали процесса составления и отправления письма, пробуем “нащупать” жанровую природу письма, схематично обозначаем его типологическую структуру, перечисляем наиболее часто встречающиеся эпистолярные топоры, намечаем преобладающую в письмах тематику, выделяем ключевую функцию письма, его аллегорическое восприятие в сознании древних (и не только) китайцев. Статья призвана наглядно показать, что художественная эпистола в том виде, в каком она зарождалась и развивалась в недрах традиционной китайской литературы, заслуживает более подробного рассмотрения и способна вызвать интерес не только у специалистов, но и у широкого круга читателей.

Ключевые слова: древнекитайская литература, раннесредневековая китайская литература, период Цзяньань, эпистолография, письмо.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-997-1004

Значение эпистолографии.

Важность эпистолярной коммуникации в Китае – как в форме личных писем, так и официальных – не подлежит никакому сомнению. Письма играли далеко не последнюю роль при осуществлении казённого делопроизводства и документооборота, утверждении дипломатических сношений, проведении торговых операций, установлении связей между родственниками и поддержании отношений с друзьями.

Зарождение и становление эпистолографии¹.

Первые свидетельства о дипломатической переписке в Китае восходят к VII в. до н.э.; обмен личными письмами широко распространяется с III в. до н.э.; как литературный жанр письмо начинают воспринимать уже в период правления династии Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.). Письма, написанные на закате Хань, а именно в период *Цзяньань* (196–220 гг. н.э.)², ознаменовавший вступление китайской литературы в полосу Средневековья, предвосхищают расцвет эпистолографии в последующие эпохи.

Материальный носитель эпистолярного текста³.

Изобретение бумаги восходит по меньшей мере к III в. до н.э. – тогда она применялась преимущественно как упаковочный материал. Использование бумаги в качестве писчего материала началось на век позднее, и поначалу это было малораспространённым явлением. Принято считать, что бумага приобрела широкое хождение в 105 г., когда сановник Цай Лунь представил её ханьскому императору, о чём мы можем судить на основании *Хоуханьшу* – «Истории династии Поздняя Хань» [18, *цзюань* 78]. К IV в. бумага прочно утвердилась в качестве писчего материала – бамбук, дерево и шёлк почти полностью перестали использоваться в этом качестве. Изобретение и распространение бумаги дало мощный толчок развитию корреспонденции обиходного, повседневного характера – широкому хождению личных писем.

#####

¹ Об этапах становления эпистолографии в Китае в эпоху Древности см. подробнее: [15. Р. 11; 8. Р. 1].

² Все письма, упоминаемые и цитируемые в статье, были написаны в период *Цзяньань*, по которому, как правило, и проводят в Китае демаркационную линию между Древностью и Средними веками.

³ Об эволюции писчего материала см. подробнее: [15. Р. 20].

Составление и отправление писем.

Необходимо разграничить две фигуры – составителя письма и его отправителя. Как правило, составитель письма и был его отправителем; однако в отдельных случаях заказчиком был один, а исполнителем другой. Например, «Письмо к Вэй Вэнь-ди, [написанное] за Цао Хуна»^{4 5} вполне допускает двойную авторскую атрибуцию: послание было оформлено литератором Чэнь Линем, а задумано полководцем Цао Хуном. Ещё один пример – «Письмо У Цзичжуну» авторства Цао Чжи⁶: Цао Чжи подчеркивает незримое присутствие третьего лица в эпистолярной ситуации словами: «... [а я] продиктовал [писцу] не все, [что хотел сказать]».

До возникновения государственной почтовой системы письма пересылались частными гонцами, которые либо служили в семье отправителя, либо отправлялись с оказией через случайного попутчика, которому сочли возможным довериться. Таким образом, перед тем, как достичь пункта назначения, письма проходили через руки как минимум ещё одного человека, который должен был внушать доверие. Именно поэтому понятия «письмо» и «доверие/доверять» обозначались и обозначаются одним и тем же иероглифом *синь* 信.⁷

Жанровая природа письма.

Понятие «письмо» охватывает целый ряд эпистолярных поджанров и жанровых форм, пересекается с другими жанрами; само письмо может встречаться в виде эпистолярных вкраплений в самых различных типах текстов. Приведём примеры:

«Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи⁸ – это сочинение публицистической и дидактической направленности (кстати, среди памятников античной эпистографии мы находим немало подобных посланий: как в Древней Греции, так и в Древнем Риме «первоначальной сферой, в которой письмо из обиходной переписки превращалось в произведение художественной прозы, были публицистика и дидактика» [3. С. 5]), фактически оно представляет собой эпистолярное эссе, в котором Цао Чжи излагает своё литературное кредо. «Письмо У Цзичжуну» авторства Цао Чжи – ещё один образец его эссеистики: в послании автор выражает своё отношение к людским порокам. В «Письме, написанном в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс»⁹ эпистолярная рамка вмещает философские размышления экзистенциально-социального толка – коммуникативная составляющая облечена в дидактико-риторическую форму, подкреплённую логически выстроенной аргументацией (вновь можно провести параллели с античной традицией: и в Древнем Китае, и в Древней Греции аргументационная, философско-риторическая проза¹⁰, в том числе эпистография соответствующего свойства, в той или иной степени развивалась с акцентом на риторико-логические приёмы [5. С. 28]). «Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань-хоу Чжи»¹¹ – короткая дружеская записка (и здесь просматривается аналогия с античной эпистолярной традицией: «Письмо – это выражение дружбы» [3. С. 8]), содержание которой, несмотря на приватную тональность, неразрывно связано с социально-политической обстановкой того времени. «Отвечаю на письмо Чжан Хуна» авторства Чэнь Линя¹² представляет собой короткое лирическое (лирическое в широком смысле слова) письмо, намечающее контуры душевного портрета его автора.

#####

⁴ Все упоминаемые в статье раннесредневековые китайские письма были впервые переведены на русский язык, прокомментированы и проанализированы в нашей магистерской диссертации: [7]. Единственным исключением является «Письмо Ян Дэцзу» авторства Цао Чжи, которое ранее переводилось и комментировалось: Лисевич И.С. Китай // Восточная поэтика / Сост. П.А. Гринцер. М., 1996. С. 55–60. Тем не менее, строки из «Письма Ян Дэцзу», как и из всех других посланий, приводимых в данной статье, цитируются по нашему собственному переводу.

⁵ Чэнь Линь 陈琳 (?–217 гг.). *Вэй Цао Хун юй Вэй Вэнь-ди шу* 为曹洪与魏文帝书 (Письмо к Вэй Вэнь-ди, [написанное] за Цао Хуна). Подстрочный перевод и последовательный анализ см.: [7. С. 477–507].

⁶ Цао Чжи 曹植 (192–232 гг.). *Юй У Цзичжун шу* 与吴季重书 (Письмо У Цзичжуну). Перевод и анализ см.: [7. С. 339–367].

⁷ О функционировании почтовой протосистемы (доханьской) см. подробнее: [15. Р. 26–30].

⁸ Цао Чжи. *Юй Ян Дэцзу шу* 与杨德祖书 (Письмо Ян Дэцзу). Перевод и анализ см.: [7. С. 294–329].

⁹ Лю Чжэнь 刘桢 (180–217 гг.). *Да Цао Пи цзе коло дай шу* 答曹丕借廓落带书 (Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс). Перевод и анализ см.: [7. С. 381–392].

¹⁰ Применительно к древнекитайской философской прозе Л.Д. Позднеевой был предложен специальный термин – «философское красноречие» [4. С. 28].

¹¹ Лю Чжэнь. *Цзянь Пинъюань-хоу Чжи шу* 谏平原侯值书 (Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань-хоу Чжи). Перевод и анализ см.: [7. С. 368–376].

¹² Чэнь Линь. *Да Чжан Хун шу* 答张紘书 (Отвечаю на письмо Чжан Хуна). Перевод и анализ см.: [7. С. 466–476].

Жанровая палитра писем настолько богата, что их крайне сложно подвести под единое определение; среди основных маркеров жанра – диалогическая природа письма, самообращённость/самоотнесённость эпистолярного текста (письмо ориентировано на себя и реализуется в своей собственной имманентной коммуникативной функции вне зависимости от конкретного содержания, которое оно в себе несёт) [10. Р. 80; 17. Р. 160], его аллюзивность и контекстуальность (письмо пронизано нитями ссылок на многочисленные и разнообразные обстоятельства, обрамляющие саму коммуникативную ситуацию и служащие ей фоном).¹³

Стоит отметить, что письмо с трудом поддается однозначной жанровой атрибуции не только в китайской литературной традиции. Границы жанра представляются весьма расплывчатыми, что свидетельствует о «текучести» письма как формы, о гибкости природы письма, – эпистография не зажата в рамках одного-единственного жанра.

Более того, грань между так называемыми «личными письмами» и «официальными письмами» зачастую оказывается крайне зыбкой – отчасти потому, что границы между общественным и личным как таковыми были в традиционном китайском обществе весьма размыты. Хотя в раннесредневековом Китае личное письмо обыкновенно помечалось как *шу* 书, критерий именованья представляется далеко не самым надёжным, поскольку так назывались только письма, посылаемые равным или нижестоящим. Личные письма, адресуемые вышестоящим, маркировались иероглифом *цзянь* 笺, обозначающим также поджанр официальной коммуникации (однако в этом качестве иероглиф *цзянь* применялся нерегулярно). Как мы видим, личная переписка была возможной не только между равными – нижестоящий мог отправить личное письмо вышестоящему и наоборот. Столь же ненадёжным критерием представляется и содержание письма – темы личного характера, затрагиваемые в письме, вовсе не относили его автоматически к личным письмам. Наконец, форма письма была ещё менее основательным показателем при попытке чётко разделить личные и официальные письма. Единственными более или менее убедительными критериями становятся лишь авторская мотивация и те задачи, на решение которых направлен текст письма. Однако, тем не менее, недвусмысленное, бесспорное разграничение личных и официальных писем всё-таки едва ли возможно.¹⁴

Мысль о глубоком взаимопроникновении «публичной» и «частной» сфер косвенно подтверждает Лю Се (*Вэньсинь Дяолунь*) – его жанровая классификация не предполагает деления жанров на «официальные» и «неофициальные». Кстати, нелишне было бы отметить, что, в отличие от Лю Се (*Вэньсинь Дяолунь*), Цао Пи (*Луньвэнь*), Сяо Туна (предисловие к *Вэньсюань*), не обходящих письма стороной в своих трудах, Лу Цзи (*Вэньфу*), к примеру, вовсе о них не пишет – в эпохи Древности и раннего Средневековья самость и самобытность письма признавались далеко не всеми классиками традиционной китайской теории литературы.

Типологическая структура письма.

Характерная трёхчастная композиция (вступительная, основная, заключительная части), которая наблюдается в письмах разных регионов, часто сравнивается со схожим структурным построением частной беседы или публичного ораторского выступления. Отдельные исследователи, однако, предлагают ещё более мелкое типологическое членение – делят речь (неважно, устную или письменную; напомним: послание сродни письменной речи) на пять или даже семь частей¹⁵. И на наш взгляд, очень многие раннесредневековые китайские письма (ярчайший пример – упомянутое нами ранее «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи) обнаруживают как раз семичленную композиционную структуру: вступительная часть делится на преамбулу, вступление и пролог, заключительная часть – на эпилог, заключение и постамбулу; основная часть представляется единой.

Способы эпистолярного (само)именования¹⁶.

По причине явной диалогичности писем способы обращения к адресату и средства именованья адресантом самого себя крайне важны. Выбор тех или иных слов и выражений определяется взаимоотношениями между двумя участниками эпистолярной ситуации, их расположением относительно

#####

¹³ О трёх основных характеристиках эпистолярного текста см. подробнее: [15. Р. 37–38].

¹⁴ О критериях разграничения (вернее, о невозможности выделить чёткие критерии разграничения) «личных» и «официальных» писем см. подробнее: [15. Р. 39–42].

¹⁵ О семичленной композиционной структуре древне- и раннесредневековых китайских [художественных] эпistol подробнее см. третью главу «Структуры и фразы» из монографии А. Рихтер: [15. Р. 75–116].

¹⁶ Способы эпистолярного (само)именования А. Рихтер обстоятельно рассматривает в той же главе: [Ibid].

друг друга в общественной и семейной иерархиях, а также поводом для написания письма. Учебники-письмовники, руководства к написанию писем эпохи Тан (618–907 гг.) обычно содержат тщательно разработанные списки подходящих для каждого отдельного случая слов и выражений с подробными разъяснениями, как и когда они должны использоваться, однако никакими подобными китайскими справочниками периодов Древности и раннего Средневековья мы не располагаем¹⁷, поэтому выводы можем делать лишь на основе практического материала – непосредственно самих писем. Тем не менее, опираясь на письма, мы не должны забывать то, что термины эпистолярного обращения и самоименования, даже будучи верными показателями характера взаимоотношений между адресантом и адресатом, не всегда отражают их фактическое иерархическое положение или дистанцию, лежащую между ними; порой средства (само)именования несут в себе лишь коммуникативный замысел автора, у которого в распоряжении имеется целая палитра риторических средств выразительности.

Как правило, в соответствии с негласными куртуазными правилами, автор письма прибегал к тем словам или выражениям, которые принижали его самого и возвышали его эпистолярного собеседника. А поскольку обращение внимания на себя самого, пусть и самое незначительное, расходилось с принципом самоуничижения, авторы зачастую вовсе отказывались от упоминания себя.

Чаще всего местоимения первого лица встречаются только в письмах, написанных к ровне или к хорошо знакомому человеку; обычно это у 吾 (я; мы) и 余 (я), которое использовалось реже. В вежливых письмах и в посланиях, окрашенных в оттенки покорности, местоимения нередко заменяются клишированными формами, происходящими от слов, обозначающих социальное положение: 仆 (Ваш слуга), 臣 (Ваш вассал), 下官 (сей мелкий чиновник).

Что касается способов именованья адресата, то вновь бросается в глаза скудость личных имён и местоимений. Местоимения используются обычно для эпистолярного обращения к членам своей семьи – старший по возрасту или положению называет младших по имени или с помощью личных местоимений. Однако чаще всего для именованья собеседника используются термины родства, названия должностей, титулов и прочие не прямые формы обращения. Термины родства, среди которых разные эквиваленты русского слова «брат», могут применяться не только при обращении к фактическим братьям, но и к равным себе. При именовании вышестоящего часто прибегают к терминам титулов, а не к терминам должностей.

Эти элементы письма характеризуются стандартными выражениями, которые были продиктованы утверждёнными традицией мыслями, чувствами. Несмотря на свою, казалось бы, конвенциональность, эпистолярные штампы не должны восприниматься лишь как риторические клише. В первых, многие авторы демонстрируют невероятную изобретательность в их варьировании¹⁸, что становится заметным уже в текстах философской прозы V–III вв. до н.э.¹⁹; во-вторых, многие штампы поистине несут в себе человеческий опыт, который в самом широком смысле и составляет сердцевину литературного произведения.

Эпистолярные топосы.

Основных топосов, порождаемых эпистолярной ситуацией, три – это жалобы на разлуку; отношение к письму как к средству замены живого общения; сетование на недостаточность письменного разговора как такового [15. Р. 117–118]. Эти топосы, тесно связанные между собой, отчасти способствуют самоидентификации письма, утверждения им своей сущности.

#####

¹⁷ В нашем распоряжении нет ни одного письмовника, который был бы создан на рубеже Древности и Средних веков (II–III вв.) или же ранее.

¹⁸ Здесь проявляется принцип гипоплеписа, т.е. принцип варьирования традиции, разработанный Яном Ассманом [1. С. 303] на материале культуры Древнего мира. В применении к китайской литературе этот принцип впервые конкретно рассматривает И.И. Семененко: «С установлением источника литературы в теории Ян Сюна тесно связан вопрос о принципах и технике создания произведений, о творчестве. <...> И ещё до эпохи Хань на протяжении нескольких столетий оно понималось многими мыслителями по-разному. Но все эти точки зрения, включая даосскую и моистскую, не выходят за рамки самого общего, типичного для традиционалистских культур понятия творчества как вариативного понимания традиции» [5. С. 35].

¹⁹ Древнекитайская проза развивалась, главным образом, в двух направлениях – философском и историческом. Об изобретательности авторов в варьировании приёмов мы можем судить уже на основании древнекитайской философской прозы V–III вв. до н.э., о чём также пишет И.И. Семененко: «Ключевым здесь является наличие индивидуальной риторической манеры (определённого сочетания топосов, риторических приёмов и т.п.), объединяющей исходную основную часть “текстовых единиц”» [5. С. 29].

Пример первого топоса – строки из «Письма У Цзичжуну» Цао Чжи: «Небесные пути высоки, далеки; не суждено [нам] скоро увидиться [вновь]; думаю с тоской и любовью [о Вас]; ворочаюсь в постели [и не в силах заснуть]; как же [всё это передать]!».

Проиллюстрировать второй топос можно строками из того же произведения: «По [своей] пышности [Ваше письмо] сравнится с весенней растительностью, по свежести – с прохладным ветерком, [я] читал его вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою».

И, наконец, пример третьего топоса – заключительные слова из «Письма Ян Дэцзу» Цао Чжи: «Свидимся [уж] завтра поутру, в письме не передашь [всего того, что] на душе».

Как правило, в письмах авторы принижали свои способности, и не только эпистолярные, и превозносили таковые у собеседника [15. Р. 128]: «младший шаман увидел старшего и утратил силу духа» (Чэнь Линь «Отвечаю на письмо Чжан Хуна»; под младшим шаманом Чэнь Линь подразумевает себя, под старшим – Чжан Хуна); кроме того, эпистолярные визави зачастую сокрушались неполноценности эпистолярного общения [15. Р. 136]: «[Хотел бы Вам] сказать [столь] много, [что] всего и не перечесать; [лишь] главное [я выбрал] кое-как ...» (Чэнь Линь «Письмо к Вэй Вэнь-ди, [написанное] за Цао Хуна») – эти явления также с течением времени превратились в топосы.

Мысль об обречённости слов на неадекватное выражение смысла, спроецированная на художественную словесность²⁰ самим даосским мировосприятием²¹, стала предметом философских и литературных диспутов в раннесредневековом Китае, особенно с распространением культуры *сюаньсюэ* в 3-м и 4-м веках н.э. [9. Р. 297–303; 13. Р. 49–70; 14. Р. 83–98]. Эта идея проецировалась на многие жанры, не в последнюю очередь на поэзию, но особенно хорошо она легла именно на эпистолярную почву: указание на эпистолярные ограничения, которые естественно накладывались на пишущего самим форматом, намекало на масштабы недосказанности, невыразимости, что всегда могло при определенных обстоятельствах сыграть на руку автору.

Кстати, многие аллюзии на концепт «мысль изречённая есть ложь» (если выразиться строкой из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» 1829 г.) восходят к *Ицзину*, *Даодэцзину*, *Чжуанцзы* и к прочтению всякий раз на новый лад многих идей, заключённых в них.

Преобладающая тематика.

Большая часть эпистолярной литературы, сохранившейся от периода раннего Средневековья, представлена дружескими письмами. Тем не менее, дружба, обеспечив возможность эпистолярного контакта, зачастую отходит в самом письме на второй план, уступая место иной теме, послужившей непосредственным поводом для написания письма, – военно-политической (например, «Подменное письмо [от] Гунсунь Цзяня сыну» Чэнь Линя²²), сугубо военной («Письмо к Сыма Чжунда» Цао Чжи²³), общественно-политической («Письмо к Вэй Вэнь-ди, [написанное] за Цао Хуна» Чэнь Линя), административно-политической («Письмо У Цзичжуну» Цао Чжи), глубоко личной («Письмо Линьцзы-хоу Цао Чжи»²⁴), теме литературного и художественного творчества («Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи) и пр.

Ключевая функция.

Письмо как замена живого диалога [15. Р. 127].

Сравнение письма со встречей (можно вновь привести пример из «Письма У Цзичжуну» Цао Чжи: «[я] читал [Ваше письмо] вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою»), а переписки – с разговором (например, «Письмо к Вэй Вэнь-ди, [написанное] за Цао Хуна» Чэнь Линя: «Боюсь, [что Вы] так и не поверили словам Цюя, наверняка [только] рассмеялись») становится общим местом в раннесредневековой китайской эпистографии. Лю Се в *Вэньсинь дяолунь* («Резной дракон литературной

#####

²⁰ «...остаётся пребывать на грани чувственно воспринимаемого слова и безмолвия. А это выдаёт свои требования к искусству слова. Так метафизика Лаоцзы самым непосредственным образом переходит в поэтику. Её главный принцип заключается в умении выразить невыразимое» [6. С. 53].

²¹ «Мировое Всё невозможно опознать и о нём нечего сказать – ведь от него нельзя отстраниться. Отсюда свойственная даосским авторам апология незнания и безмолвия. Точнее говоря, знающего незнания и многозначительного молчания. <...> [Безмолвие] указывает на безусловную открытость существования то неизъяснимое “зияние бытия”, которое хранит полноту смысла и порождает речь» [2. С. 20].

²² Чэнь Линь. *Гэн Гунсунь Цзянь юй цзы шу* 更公孙瓒与子书 (Подменное письмо [от] Гунсунь Цзяня сыну). Перевод и анализ см.: [7. С. 444–465].

²³ Цао Чжи. *Юй Сыма Чжунда шу* 与司马仲达书 (Письмо к Сыма Чжунда). Перевод и анализ см.: [7. С. 330–338].

²⁴ Лю Чжэнь. *Юй Линьцзы-хоу Цао Чжи* 与临淄侯曹植书 (Письмо Линьцзы-хоу Цао Чжи). Перевод и анализ см.: [7. С. 376–380].

мысли») одобрительно высказывается о тех письмах, в которых «текст составлен так, будто это речь, произносимая перед собеседником» [18, *пянь* №25]²⁵, а Янь Чжитуй в *Яньши цзясюнь* («Домашние поучения рода Янь») ссылается на одно из южных изречений, гласящих, что «письма [в мгновение] переносят лица своих авторов за тысячи миль» [21, *пянь* №19]²⁶. На основании этих двух высказываний мы можем предположить, что письмо производило наибольший эффект, если оно оборачивало пишущего в говорящего, а чтение – в разговор лицом к лицу. Западная эпистолография, начиная ещё с античности, выделяла способность письма имитировать живое общение (*parousia*) как одну из его важнейших задач. [12. S. 38–42, 172–180; 11. P. 191–193].

На основании тех источников, которые дошли до нас, можно заключить, что первым автором, сформулировавшим идею письма как попытку заменить собою фактический разговор тет-а-тет, был Цай Юн, который провозгласил в своей работе *Шу* («Письмо»), что «если нет надежды свидеться, то лишь разводы кисти заменяют встречу» [20, *цзюань* 73]²⁷.

Письмо как дар.

Обмен письмами во многом напоминает обмен подарком. Отправка кому-либо письма, как правило, подразумевает ожидание на него ответа, то есть предполагает некую взаимность, а эпистолярные условности выстраивают сложную систему правил и ограничений, подчас негласных, которые определяют и сохраняют социальные взаимоотношения [16. P. 135–136]. Более того, письмо является материальным объектом. Как подмечает А. Рихтер, «материальность письма гораздо более явственна, чем какого-либо другого жанра» [15. P. 17].

Если подарок сопровождался письмом, оно уточняло значение подарка и, тем самым, подчёркивало идею взаимности. Символические смыслы, заложенные в подарке, варьировались от ситуации к ситуации, и письма, сопутствующие подаркам, зачастую способствовали верной интерпретации этих смыслов.

Таким образом, письма, будучи материальными объектами, обнаруживают схожесть с подарками, которые также вручаются одним человеком другому и воплощают в себе связь между дарителем и одариваемым. Кстати, в ранние периоды истории Китая речи воспринимались как наиболее ценные дары, превосходящие по своей ценности экипажи, повозки, а также настоящие сокровища – золото и яшму [15. P. 133].

Итак, письмо представляет собой одну из древнейших, разнообразнейших, противоречивейших литературных форм, зародившуюся в Древности во многих уголках земного шара, в том числе и в Китае. К сожалению, до сих пор практически отсутствуют базовые, обобщённые исследования на тему китайской эпистолографии, хотя жанровая атрибуция писем, их разновидности в многочисленных количественных и качественных проявлениях, их эстетическая ценность, их основополагающие формальные характеристики и ключевые содержательные особенности представляют собой широчайшее поле для научного рассмотрения и обсуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Малявин В.В. Путь, или символическая реальность // Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / Сост., авт. предисл., пер. с кит., коммент. В.В. Малявин. М.: АСТ, 2002. С. 19–29.
3. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1967. С. 5–26.
4. Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 22–43.
5. Семенов И.И. Ян Сюн как создатель китайской риторики // Вестник МГУ. 2018, № 3. С. 26–41.
6. Семенов И.И. Пять тысяч слов молчания: Между строк // Лаоцзы. Обрести себя в Дао / Сост., авт. предисл., пер. с кит., коммент. И.И. Семенов. М.: Республика, 1999. С. 41–60.

#####

²⁵ “详观四书，辞若对面”（第二十五篇 – “书记”） – «обстоятельно изучаю Сышу, текст [составлен так], будто [это речь, произносимая] перед собеседником» (*пянь* № 25 – *Шуцзи* «Письма и записки»).

²⁶ “尺牍书疏千里面目也”（第十九篇 – “杂艺”） – «письма [в мгновение] переносят лица своих авторов за тысячи миль» (*пянь* № 19 – *Цзай* «О всевозможных искусствах»).

²⁷ “相见无期。惟是笔迹。可以当面”（卷 73） – «если нет надежды свидеться, то лишь разводы кисти заменяют встречу» (*цзюань* № 73).

7. Строганова Н.А. Литературное послание в Китае на рубеже Древности и Средних веков: дис. ... магистра востоковедения и африканистики. М.: ИСАА МГУ, 2018. 590 с.
8. Chung, Eva Yuen-wah. A Study of the 'Shu' (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C.–A.D. 220): Ph. D. Diss. Seattle: University of Washington, 1982, 799 p.
9. Egan, Ronald C. Limited Views: Essays on Ideas and Letters by Qian Zhongshu. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998, 469 p.
10. Guillen, Claudio. Notes towards the Study of the Renaissance Letter // Renaissance Genres: Essays on Theory, History, and Interpretation / Ed. by Barbara Kiefer Lewalski. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986, pp. 70–101.
11. Klauck, Hans J. Ancient Letters and the New Testament: A Guide to Context and Exegesis. Waco, TX: Baylor University Press, 2006, 539 p.
12. Koskenniemi, Heikki. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr // Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, 102.2. Helsinki: Finnish Academy, 1956, 214 p.
13. Liu, James J. Y. The Paradox of Poetics and the Poetics of Paradox // The Vitality of the Lyric Voice: Shih Poetry from the Late Han to the T'ang / Ed. by Lin Shuen-fu and Stephen Owen. Princeton: Princeton University Press, 1986, pp. 49–70.
14. Lynn, Richard John. Wang Bi and Liu Xie's Wenxin diaolong // A Chinese Literary Mind: Culture, Creativity, and Rhetoric in Wenxin diaolong / Ed. by Cai Zong-qi. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 83–98.
15. Richter, Antje. Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China. Seattle: University of Washington Press, 2013, 235 p.
16. Tian, Xiaofei. Material and Symbolic Economies: Letters and Gifts in Early Medieval China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden: Brill, 2015, pp. 135–186.
17. Violi, Patrizia. Letters // Discourse and Literature / Ed. by Teun A. van Dijk. Amsterdam: John Benjamins, 1985, pp. 149–168.
18. Лю Се. Вэньсинь дяолунь чжу («Резной дракон литературной мысли» с ком.) / Сост. Фань Вэньлань. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1958. 761 с.
19. Фань Е. Хоуханьшу («История династии Поздняя Хань»). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1965. 3684 с.
20. Янь Кэцзюнь. Цюань Хоуханьвэнь («Полная история династии Поздняя Хань») // Цюань Шангу Саньдай Цинь Хань Саньго Лючао вэнь («Полное собрание сочинений эпох Древности, Трёх династий, Цинь, Хань, Троецарствия, Шести династий»). Пекин: Шаньу иньшугуань, 1999. 1079 с.
21. Янь Чжитуй. Яньши цзясюнь цзицзе («Домашние поучения рода Янь» с ком.) / Сост. Ван Лици. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1993. 396 с.

Поступила в редакцию 22.06.2019

Строганова Нина Андреевна, аспирант Кафедры китайской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
E-mail: nina.stroganova@mail.ru

N.A. Stroganova

FEATURES OF CHINESE EPISTOLOGRAPHY AT AN EARLY STAGE OF ITS FORMATION

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-997-1004

The article is devoted to the consideration of writing letters – one of the oldest prose genres in the world literature. In contrast to the Western epistolary heritage, not deprived of the attention of researchers, Chinese epistolary literature and culture are still little studied areas of synology. In this article, we will find out the role that epistolography played in the life of ancient Chinese people, trace the emergence and formation of traditional Chinese epistolography, note the various types of material carriers of epistolary text, clarify the details of the process of writing and sending a letter, try to “find” the genre nature of writing, schematically denote its typological structure; we will list the most common epistolary topoi, outline the themes prevailing in letters, highlight the key function of a letter, the allegorical perception of a letter in the minds of the ancient (and not only) Chinese. The article is intended to vividly show that the fictional epistle in the form in which it originated and developed in the depths of traditional Chinese literature deserves a more detailed examination and is capable of generating interest not only among specialists, but also among a wide circle of readers.

Keywords: Ancient Chinese literature, Medieval Chinese literature, Jian'an period, epistolography, letter.

REFERENCES

1. *Assmann Jan.* Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination] / Tr. by M.M. Sokol'skaya. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 368 p. (In Russian).
2. *Malyavin V.V.* Put', ili simbolicheskaya real'nost' [Way, or symbolic reality] // Laozi. Dao De Jing / Tr. and comm. by V.V. Malyavin. Moscow, AST, 2002, pp. 19–29. (In Russian).
3. *Miller T.A.* Antichnye teorii epistolyarnogo stilya [Antique theories of epistolary style] // Antichnaya epistolografiya [Antique epistolography] / Ed. by M.E. Grabar'-Passek. Moscow, Science, 1967, pp. 5–26. (In Russian).
4. *Pozdneeva L.D.* Oratorskoe iskusstvo i pamyatniki drevnego Kitaya [Oratory and monuments of ancient China] // Vestnik drevnej istorii [The Herald of Ancient History]. Moscow, 1959, no. 3, pp. 22–43. (In Russian).
5. *Semenenko I.I.* Yang Xiong kak sozdatel' kitajskoj ritoriki [Yang Xiong as the creator of Chinese rhetoric] // Vestnik MGU [The Moscow University Herald]. Moscow, 2018, no. 3, pp. 26–41. (In Russian).
6. *Semenenko I.I.* Pyat' tysyach slov molchaniya: Mezhdz strok [Five thousand words of silence: Between the lines] // Laozi. Obresti sebya v Dao [Laozi. Finding Yourself in Dao] / Tr. and comm. by I.I. Semenenko. Moscow, Republik, 1999, pp. 41–60. (In Russian).
7. *Stroganova N.A.* Literaturnoe poslanie v Kitae na rubezhe Drevnosti i Srednih vekov: dis. ... magistra vostokovedeniya i afrikanistiki [Literary message in China at the turn of the Antiquity and the Middle Ages: Thesis... Master of Oriental and African Studies]. ISAA MGU [IAAS MSU], Moscow, 2018, 590 p. (In Russian).
8. *Chung, Eva Yuen-wah.* A Study of the 'Shu' (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C.–A.D. 220): Ph. D. Diss. Seattle: University of Washington, 1982, 799 p. (In English).
9. *Egan, Ronald C.* Limited Views: Essays on Ideas and Letters by Qian Zhongshu. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998, 469 p. (In English).
10. *Guillen, Claudio.* Notes towards the Study of the Renaissance Letter // Renaissance Genres: Essays on Theory, History, and Interpretation / Ed. by Barbara Kiefer Lewalski. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986, pp. 70–101. (In English).
11. *Klauck, Hans J.* Ancient Letters and the New Testament: A Guide to Context and Exegesis. Waco, TX: Baylor University Press, 2006, 539 p. (In English).
12. *Koskenniemi, Heikki.* Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n.Chr // Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, 102.2. Helsinki: Finnish Academy, 1956, 214 p. (In German).
13. *Liu, James J. Y.* The Paradox of Poetics and the Poetics of Paradox // The Vitality of the Lyric Voice: Shih Poetry from the Late Han to the T'ang / Ed. by Lin Shuen-fu and Stephen Owen. Princeton: Princeton University Press, 1986, pp. 49–70. (In English).
14. *Lynn, Richard John.* Wang Bi and Liu Xie's *Wenxin diaolong* // A Chinese Literary Mind: Culture, Creativity, and Rhetoric in *Wenxin diaolong* / Ed. by Cai Zong-qi. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 83–98. (In English).
15. *Richter, Antje.* Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China. Seattle: University of Washington Press, 2013, 235 p. (In English).
16. *Tian, Xiaofei.* Material and Symbolic Economies: Letters and Gifts in Early Medieval China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden: Brill, 2015, pp. 135–186. (In English).
17. *Violi, Patrizia.* Letters // Discourse and Literature / Ed. by Teun A. van Dijk. Amsterdam: John Benjamins, 1985, pp. 149–168. (In English).
18. *Liu Xie.* Wenxin diaolun zhun [«The Literary Mind and the Carving of Dragons» with comm.] / Ed. by Fan Wenlan. Beijing: Renmin wenzue chubanshe, 1958, 761 p. (In Chinese).
19. *Fan Ye.* Hou Hanshu [Book of the Later Han]. Beijing: Zhonghua shuju, 1965, 3684 p. (In Chinese).
20. *Yan Kejun.* Quan Hou Hanwen [Complete Later Han Prose] // Quan Shanggu Sandai Qin Han Sanguo Liuchaowen [The Complete Literary Writings of Three Dynasties in Ancient Times, Qin, Han, Three Kingdoms, and Six Dynasties]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999, 1079 p. (In Chinese).
21. *Yan Zhitui.* Yanshi jiaxun jijie [«The Family Instructions of Master Yan» with comm.] / Ed. by Wang Liji. Beijing: Zhonghua shuju, 1993, 396 p. (In Chinese).

Received 22.06.2019

Stroganova N.A., postgraduate student at Department of Chinese philology
 Institute of Asian and African Studies
 Lomonosov Moscow State University
 Mokhovaya st., 11/1, Moscow, Russia, 125009
 E-mail: nina.stroganova@mail.ru